

О. А. Карканица, ассистент

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ МИФОЛОГЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИНЖЕНЕРИИ

The article is devoted to analysis of such the specific mythologema of human engineering as the modified human being and the governed evolution.

Одной из наиболее актуальных проблем, с которой столкнулось мировое сообщество сегодня, является проблема его дальнейшего выживания, поскольку сугубо потребительский вектор общественного развития оказался неадекватным законам эволюции биосферы. Преобразующая деятельность человечества, достигшая огромной геологической силы, привела в конечном итоге к разрушению и деградации окружающей среды. В последней создаются условия, инициирующие процесс распада генома человека, связанного с увеличением скорости накопления вредных мутаций, большим ростом числа генетических заболеваний, врожденных отклонений, снижением иммунного статуса организма [1].

Некоторые исследователи признают, что причины подобного кризиса определяются идеологемами современной цивилизации, вводящими человека в заблуждение относительно его роли и места в мироздании и препятствующими адекватной оценке сложившегося вектора развития мирового сообщества. Стремление человека к экспансии и господству над природой находит выражение в наиболее фундаментальных мифах европейской цивилизации, одним из которых является миф о всемогуществе человека в качестве преобразователя природного вещества и безграничных возможностях науки и техники, с помощью которых подобное преобразование осуществляется. И хотя до сих пор никакие научно-технические нововведения, экономические, социальные реформы не решили проблему выживания человеческой цивилизации (ибо создав могущественные технологии, победив многие болезни, подойдя вплотную к решению проблемы клонирования, человек в то же время продолжает разрушать фундамент своей жизни – естественную биосферу), вера в возможность решения всех глобальных проблем (в том числе и проблемы распада генома) техническими средствами поддерживает эту иллюзию всемогущества.

Более того, огромные успехи во всех областях науки, и особенно в сфере медико-генетических технологий, стимулируют интерес к реконструкции генетической программы человека, реанимируют древнейшие мечты о человеческом совершенстве. Установки на антропо- и наукоцентризм в области медико-генетического знания зачастую выступают в

виде мифологем, содержание которых раскрывается в следующих идеях: во-первых, в концепте о возможности усовершенствования человеческой данности (природы) и преодоления естественных барьеров (например, телесного распада), а во-вторых, в идее о возможности распространения человеком контроля над собственной эволюцией. Очевидно, что мифологизация возможностей медико-генетического знания означает очередную апелляцию к сциентистским мифам, которые актуализируются на основе попыток профанировать науку.

Обеспечивая потребности современной технологической цивилизации, наука в некоторых случаях сопрягается с ценностями массовой культуры. Научные знания переходят в разряд инструментов достижения профессионального успеха, который по шкале ценностей в настоящее время занимает более высокую позицию, нежели истина. В ситуации, когда сама истина не связана с нравственностью, соответствующим образом определяется и характер профессиональной деятельности, поскольку достичь успеха можно и за счет конъюнктурного чутья, игры с идеологией, манипуляций фантазиями или рекламой, т. е. не совсем безупречными, с точки зрения морали, методами.

По мнению В. Поруса, рекламные кампании доктора Сиды или секты Раэлианс соответствуют запросам и ценностям общества, в котором массовая культура заполнила едва ли не все культурное пространство. Массовый человек, ставший в XX в. одним из персонажей мировой истории, является основным потребителем различных сенсаций, в том числе и научных. Именно для него создается рекламная кампания вокруг клонирования людей и других достижений геномной инженерии, на него работают средства массовой информации, к его чувствам и инстинктам апеллируют политики и интеллектуалы. Именно для массового человека фотография клонированной овечки обладает большей убедительностью, чем статистические данные о высокой вероятности рождения уродов в опытах с клонированием.

Резюмируя данную позицию, можно отметить, что псевдонаучные сенсации и спекулятивные идеи, коррелирующие с некоторыми мифологемами, которые довлеют над сознанием массового человека, возникают в условиях профанации науки. Это означает, прежде всего,

превращение научных знаний в определенный продукт, выбрасываемый в рыночное пространство, и отказ от принципов Большой науки, в частности от принципов бескорыстия и организованного скептицизма. Именно с медико-генетическим знанием в настоящее время наиболее очевидно связана возможность подобной профанации и, как следствие, неопределенность последствий применения этих знаний и технологий или даже явная опасность их внедрения в практику. Таким образом, сциентистские мифы и их вариации порождают и поддерживают не только дисгармонию в отношении человека с природой, но и асимметрию в соотношении практической значимости и этического измерения научно-технических достижений.

Данная ситуация в науке и культуре эксплицирует диалектику общественного бытия и общественного сознания: с одной стороны, результаты социально-биологических исследований оказывают воздействие на общественное сознание и актуализируют соответствующие мифологемы, с другой стороны, общественное сознание находит область применения этим результатам, которые при специфической интерпретации или вульгаризации оказываются этически неоднозначными. В этом контексте особую тревогу вызывает популяризация и распространение некоторых неоевгенических идей, иницируемых в рамках задачи охраны генофонда человеческой популяции. Поскольку сама по себе эта задача не имеет четкого определения, в контексте неоевгенических проектов она трансформируется в идею формирования благоприятных условий для наиболее ценных индивидов. Данная концепция в евгенической ретроспективе обуславливает политику геноцида в отношении отдельных групп людей (например, лиц с отягощенной наследственностью). В современном обществе осуществление возможной социальной дискриминации (по результатам генетического тестирования) усугубляется возникновением нового типа ограничения свободы – генетического деспотизма нынешнего поколения над следующим. Даже частичный контроль над генотипом (например, отбор эмбрионов с наиболее оптимальным набором генов) становится дополнительным инструментом наблюдения за человеком и одним из главных аргументов против его клонирования, поскольку иницирует опасность гомогенизации общества: полностью элиминируя дефектные гены из генотипа, мы можем существенно снизить верхний предел человеческих возможностей и сократить проявление подлинной свободы и индивидуальности [2].

Поэтому, какими бы гуманными не представлялись, на первый взгляд, побудительные мотивы современной генетики, пытающейся

найти опору в идее всепоглощающей заботы о человеке и его будущем, в самой ее сути есть определенный изъян, ведь всякое усовершенствование имплицитно задает оппозицию: плохое – хорошее, талантливое – бездарное, жизнеспособное – слабое. На уровне человеческого общества отбор и выбраковка вариантов, не отвечающих тем или иным требованиям, означает неизбежную дискриминацию, которая, по мнению И. Т. Фролова, может привести человечество к гораздо более опасной генетической катастрофе, чем та, от которой евгеника обещает спасти человечество.

Таким образом, наиболее фундаментальные мифологемы человеческой инженерии («усовершенствованный человек» и «контроль над эволюцией») актуализируются в специфическом семантическом пространстве, формирующемся как результат рефлексии над достижениями в области медико-генетических исследований. Его определяют, с одной стороны, отсутствие четко сформулированных принципов, которые могли бы содержательно раскрыть задачу охраны генофонда, а с другой – отсутствие социальных технологий, которые могли бы реализовать ее в форме, соответствующей нормам морали, в тех масштабах, на которые претендует неоевгеника (в масштабах популяции и генофонда).

Критический анализ содержания рассматриваемых мифологем предполагает ответы на следующие вопросы: как далеко может продвинуться человек в своих претенциозных попытках преобразования собственной природы и что следует понимать под «человеческой данностью»?

Понятие «данность» имеет несколько важных значений: данное в значении «дарованное» или «выдаваемое в качестве дара», и данное как нечто допускаемое в том, что определенно установлено и зафиксировано. Если существует человеческая данность, или данная человечность, которая является благом в том виде, в каком мы ее имеем, или нечто, что может быть усовершенствовано, не переставая оставаться самим собой, это данное действительно служит руководством, позволяющим выбирать, что изменять, а что оставить в неприкосновенности. И очевидно, что существуют такие аспекты данности, которые должны быть защищены, воздействие на которые может привести к деградации человека.

Если рассматривать человеческую данность как то, что может быть усовершенствовано, не утрачивая видоспецифичности, то речь идет скорее не об усовершенствовании, а об актуализации тех потенций, которыми наделена сама природа человека, об извлечении максимальной выгоды из уже полученной информации в плане диагностики, профилактики и лечения

многих наследственно обусловленных недугов, что вовсе не предполагает дискриминацию тех, у кого данное заболевание или предрасположенность к нему были выявлены.

Усовершенствование, связанное с радикальным преобразованием конституционных дефектов человеческой данности, предполагает непосредственное вмешательство в природу человека с помощью биотехнологии для изменения не болезненных процессов, а нормальной работы организма (например, продление молодости). Таким образом, усовершенствование является попыткой превращения человека в нечто большее, чем человек, указывает на утрату его видоспецифичности и может трактоваться как попытка дегуманизации человеческой сущности.

Итак, концепты «усовершенствованный человек», «контроль над эволюцией» оказываются не просто мифологемами, а псевдонаучными спекуляциями, приписываемыми неоевгенике. Между тем общественный резонанс, который сегодня получают некоторые неоевгенические проекты, может и должен быть инициирован не спекулятивными построениями, вырастающими на основе медико-генетических исследований, а позитивным научным и гуманистическим потенциалом таких идей евгеники, как необходимость планомерного изучения вопросов наследственности человека и биологического просвещения населения, пропаганды знаний о наследственности, не предполагающей профанации этих знаний. Рациональный смысл данных предложений определяется следующей установкой: свободен в выборе и реализации своих возможностей тот, кто наиболее ясно отдает себе отчет в этих возможностях и осознает, что овладение средствами вмешательства в природу без знания того, являются ли благими цели такого вмешательства, по сути, не есть управление. Управление человеком природой при отсутствии направляющего знания оборачивается господством природы над человеком. В целом неоевгеника должна и может быть ориентирована на то, чтобы обозначить перспективу медико-генетических разработок и дать адекватную оценку их мировоззренческого и нравственного потенциала.

Таким образом, реализация основных вариантов гармонизации отношений человека с соб-

ственной природой инициирует как позитивные, так и негативные аспекты медико-генетических разработок, связанные с адекватной или, напротив, неверной оценкой их гуманистического потенциала, а также закономерным образом обуславливает возрождение евгенических идей (как рациональных, так и спекулятивных). Спекулятивные идеи, возникающие на основе медико-генетических исследований, а также мифологемы, актуализирующиеся в процессе профанации биологических знаний, являются, по сути, лишь вариациями на тему основного сциентистского мифа о всемогуществе науки и техники.

В качестве мифологем человеческой инженерии следует рассматривать совокупность идей, которые связаны с возможностью усовершенствования или радикального преобразования человеческой данности, предполагающего обогащение ее новыми возможностями, изначально не заданными самой природой. Эти идеи выражают сущность явлений, якобы могущих иметь место в действительности, но такового не имеющие («вечная молодость», «бессмертие», «идеальный/усовершенствованный человек», «жизнь без страданий»).

Претворение их в действительность не может быть обеспечено даже технологическими возможностями современной цивилизации, поскольку это означает дегуманизацию человека.

Установление гармонии в отношениях человека с собственной природой должно быть связано не только с обеспечением соответствующего качества жизни в человеческой популяции, но и с оценкой нравственного потенциала основных сценариев этой гармонизации, с формированием новых ценностных и мировоззренческих принципов, базирующихся на признании и уважении того дара, которым является человеческая данность, с демифологизацией сознания. Результатом последней должно стать более адекватное представление о месте и роли человека в структуре биосферы.

Литература

1. Данилов-Данильян В. И., Лосев К. С. Экологический вызов и устойчивое развитие. — М., 2000. — С. 76.
2. Каас Л. Нестареющие тела, счастливые души // Человек. — 2003. — № 6. — С. 41.